

Павел Засодимский

От сохи к ружью

Павел Владимирович Засодимский

От сохи к ружью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=631735

Крестьянские судьбы. Рассказы русских писателей 60-70-х годов XIX века: Современник; Москва; 1986

Аннотация

«...В то же мгновение граната, шипя, взбороздила землю перед самой лошадью, и раздался взрыв. Раненого, который окликнул Бахрушина, всего обдало песком. Когда же пыль рассеялась, он протер глаза и оглянулся... Лошадь была уже бездыханна, и рядом с ней, распластав руки, лежал Яков Бахрушин, страшно обезображенный, с разможенным черепом, облитый кровью...»

Содержание

1	4
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Павел Владимирович Засодимский От сохи к ружью (Из деревенских летописей)

*О край леса – леса темного
Пролегла след-дороженька,
Та дороженька поубитая,
Горячей слезой политая...*

(Из народной песни)

1

Время – июль 1877 года. Место действия – глухой деревенский уголок в одной из наших северо-восточных провинций.

Ни одного облачка не видать на синем небе, и высоко стоит в нем горячее полуденное солнце. Теплый ветерок чуть подувает, и под его дуновением едва колышется колос желтеющей ржи, едва подергиваются легкою зыбью голубые воды речки. Зеленые луга расстилаются по отлогому берегу, далее раскидываются поля. Речка обмелела; берега ее теперь

окаймляются песчаной, каменистой полосой. Берег, противоположный лугам и полям, крут и обрывист; на нем располагается большая деревня – Обросимово.

Страда – в самом разгаре. Деревня опустела, словно вымерла. Только две старухи оставались на виду: одна сидела под оконцем, на завалинке, на самом припеке, и разогревала на солнышке свое зябкое, худенькое тело; другая, кряхтя и охая, расстилала по траве холст. Черный Жучко лежал в тени у колодца, под рябиной... Все Обросимово разбрелось по луговой стороне: одни лен дергали, другие жали, третьи еще сено дометывали; некоторые косили, а иные – поторопливее – уже принимались за озимовую пашню. Дело в том, что зимой снега были глубокие, вода весной была велика и не спадала долго, и весна выдалась холодная. С половины июня пошли жары, и лишь с того времени стала подниматься травка... Оттого и вышло, что сенокос еще не кончили, а рожь уже поспела и пришло время посева. Трудно было в этот год деревенскому люду справляться зараз с тремя работами.

Зато и не зевали – жали иной раз до полуночи и возвращались домой, когда месяц уже скрывался за лесом. Теперь на лугу сверкали косы, на полях серпы блестели. Пестрели разноцветные платки; видны были с подоткнутыми подолами сарафаны – синие, желтые, розовые; попадались и дырявые холщовые рубахи. Ребята ставили суслоны, шевелили сено и, играючи, чуть не с головой зарывались в ароматной траве.

Яков Бахрушин докосил свой участок; Марфуша переше-

велила сено и сгребла его в валы... Наступал тихий, благодатный вечер. В олешняке над рекой громко чирикала малиновка; заунывная песенка доносилась откуда-то издалека.

– Вон, люди паужинать собираются... Пора и нам! – сказал Яков, кладя на плечо косу и прихватывая другою рукой пустой бурак из-под воды.

– Пора и то! – промолвила Марфуша, отходя к соседней копне.

Там, зарытый в сено и обмотанный в тряпье, спал ее сынишка. Во сне малютка ухватил правой ручонкой горсть сухой розовой макушки, а другую подложил под свою разгоревшуюся щечку и спал тем блаженным, беззаботно-спокойным сном, каким, читатель, нам уже не спать. Марфуша бережно взяла его на руки и, прихватив на плечо грабли, пошла за мужем. Малютка не пробудился, только потянулся на другой бок и еще крепче прижался головой к материнской груди... Марфуша заботливо поглядывала на своего спящего Пашутку. И как ей было не поглядывать на него! Ведь это – ее единственный сынок, ее первенец, ее радость. К тому же и бабушка, и сестра, и все говорят, что Пашутка походит на отца... А Якова она крепко любит. Мужик хороший, добрый, непьющий, ни разу пальцем ее не тронул...

И Якову было за что любить свою молодуху: баба – работающая, не пустомеля, не слезомоя, женщина здоровая и красивая. Лицо у нее продолговатое, с прямым, тонким носом и с пухлыми, алыми губами. Ее голубые глаза весело и открыто

смотрят на белый свет. А над ними, словно кисточкой, проведены темные брови. Густой румянец играет на ее загорелых щеках. На голове теперь повязан ситцевый платочек, десять раз стиранный и уже кажущийся беловатым; пряди рыхлых волос выбиваются из-под него. Ее холщовая рубаха кругом ворота незатейливо обшита кумачом. Свободно, легко сидит на ней синий, также полинявший сарафан, едва подтянутый по стану узеньким поясом. Высокого роста, стройная, довольно полная, идет она «с перевалочкой» – и видно, как под рубахой вздымается ее высокая, здоровая грудь.

Яков тоже – молодец, под пару ей. Недаром же был он «записан» в гвардию. Плечи у него – косая сажень, и по всему заметно, что силы ему не занимать. Лицо чистое, пригожее, а кроткие серые глаза словно хотят промолвить: «Мы смирны! Не обидим мы вас, добрые люди! Только нас не трожь»... Впрочем, теперь в этом дюжем мужике, обросшем бородой, трудно признать гвардейца. На нем – потертая фуражка с истрескавшимся козырьком, холщовая рубаха, синие пестрядинные штаны, далеко не доходящие до пяток. Ноги босы, грязны, местами наколоты до крови... Слегка сгорбившись, медленною поступью, шел он теперь к реке, а солнце так и поблескивало на лезвее его косы.

Дойдя до реки, Яков стал перебираться через нее где по камешкам, торчавшим из воды, где вброд, благо было неглубоко. За ним, приподняв рубаху до колен, переходила Марфуша со своею живою ношей на руках. Взобравшись по

узенькой тропинке на берег, они пошли вдоль деревенской улицы и, свернув в проулок, скоро очутились дома.

Хата у них – небольшая, в два оконца, новенькая, три года тому назад поставлена. Налево от нее – двор, с двух сторон обнесенный сараями, а с третьей – от проулка отгороженный плетнем. В плетне проделаны ворота, сколоченные тоже из новых сосновых досок. За хатой разведен огород. Над самой хатой, широко распростерши ветви, стоит, наклонившись, старая черемуха, а в угол забились дикая яблонь, обросшая шиповником и высоким лопухом.

2

В то время как Марфуша, положив ребенка в зыбку, возилась с чем-то под навесом сарая, Яков пошел в огород за луком. Выдернув несколько головок и отряся с них землю, он задумчиво осмотрелся по сторонам.

– А знаешь, что я хочу сделать!.. – крикнул он Марфуше. – Сниму-ка я на будущий год у Кузьмича вот этот косячок, да и пригородим его... гряд десять лишних, глядишь, и выйдет...

– А это хорошо бы, Яша! – отозвалась жена.

– Гм! Еще бы – нехорошо... – продолжал Яков. – Посадили бы мы картошки – и важное дело! Картошка ведь – большое подспорье в еде. Хлеба-то на зиму, пожалуй, у нас и стало бы хватать. А то ведь не накопишься его... вон как зимось по рублю пуд...

– Что и говорить! – согласилась Марфуша.

– Вот то-то я теперь и думаю: сколько-то Кузьмич запросит за «угол»... Земля-то у него тоже без дела стоит...

Яков почесал затылок и еще раз пристально посмотрел на прилегавший к его огороду участок соседской земли, стоявшей впусе.

– Поспрошать ужо... – заметила жена.

Обоим им пришла мысль по сердцу: прихватить у Кузьмича землицы и расширить огород... Отправились паужинать. Похлебали квасу с натертым луком, хлебнули кислого

молока с накрошенным в него хлебом и все это запили ков-
шиком студеной воды.

– Сенокос завтра порешим! – заговорил Яков, усаживаясь
на крыльцо. – Ты, Марфа, завтра лен дергай, а я сено пере-
вожу... Слышь?

– Ладно! – отозвалась жена.

– Ну, а потом за рожь принимайся... я засеюсь той по-
рой... А как с пашней управлюсь, с тобой на полосу стану.
Вот тогда дело-то у нас ходчее пойдет.

– Да с рожью-то торопиться некуда... – заметила Марфу-
ша. – Овес-то еще с прозеленью, да такой неровный, бог с
ним...

– Овес нынче неважный... нельзя похвастать!

– Что будешь делать! – с легким вздохом прошептала же-
на.

Яков молча вытащил из кармана штанов трубку и ки-
сет. Взял он горсточку истолокшегося листа, набил свою но-
согрейку, достал из кисета кремень, огниво и, оторвав зу-
бами кусочек трута, высек огня и закурил. Дымок взвился
над трубкой и пошел гулять в воздухе тонкими синеватыми
струйками. Потянуло тютюном...

Марфуша, управившись, тоже вышла на крыльцо и, при-
сев на ступеньку, стала ублажать своего маленького крикуна.
Расстегнув ворот, она обнажила свою могучую белую грудь
и приложила к ней малютку. Тот мигом замолк, и слышно
было его самодовольное мычанье и причмокивание... Пусть

пьет малютка, пусть он, сердечный, набирается сил и бодрости: их понадобится ему в жизни много-много... Теперь ему нет еще дела ни до государственных, ни до земских пода-тей. Теперь он не признает никакого государства... Он дышит даровым воздухом, сладко спит на груди материнской, и сны не тревожат его. Ни староста, ни «мир» ему не страшны: мать никому не даст его в обиду. Радостно смотрит теперь молодая мать на его розовые пухлые щеки, на полузакрытые светлые глазенки и на этот маленький ротик, крепко прильнувший к ее соску. А Пашутка расположился со всем удобством, ухватившись левою ручонкой за грудь матери.

– Смотри-ка, Яков, – какой провор! – сказала Марфуша, глазами указывая на сына.

Яков повернул к ним голову и ухмыльнулся.

– Ишь ты, баловник! – промолвил он, наклоня над сынишкой свое загорелое, темное бородатое лицо и ласково поглаживая его по волосам, мягким и светлым, как чесаный лен.

Пашутка при этом на мгновение широко раскрыл глаза и, усиленно зачмокав, еще ближе прильнул к груди, еще крепче сжал свой кулачок.

– Пальцы-то как запускает... Ах, батюшки!.. Изо всей-то мочи... – смеясь, говорила Марфуша.

– Боится, чтоб не взяли... – пояснил отец. – Ну, да ладно! Не отымут твою забаву... Оставайся с ней на здоровье!

Посидели молча; тихий час нашел. Они были бедны; осе-

нию им угрожало постукивание под окном старосты, собирающего старые недоимки и новые подати; они устали сегодня, измаялись, но все-таки теперь они «по-своему» были довольны. С податью они как-нибудь справятся; ноги и ручки их отдохнут уже после покрова дня, когда они измолотят последний овин; с недостатчей хлеба также сладят как-нибудь – при займут опять у того же Трофимыча до новой ржи... Что ж делать, если придется за четверик два отдать! «Где наше не пропадало!...» А главное: оба они молоды, здоровы и не унывают...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.